

«ЗАРЯ ХОДИЛА, БИСЕР СОБИРАЛА...»

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, член Союза писателей России. Автор более 30 изданий: стихов, цикла учебников литературного творчества, монографий, вышедших в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, — а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат всероссийских и международных премий в области литературы и литературной критики, художественного перевода, научных исследований и творческой педагогики. Живёт в Челябинске.

В осеннем праздничном саду
В предощущении покоя
Взгляд укололся о звезду —
И слёзы хлынули рекою!

Но не о том, что было сном,
Растаявшим или забытым, —
О неизбывном и родном,
О том, что вверено молитвам
И осенью взлетает вверх
С листвою багряно-золотою...

Но если Ты, Господь, отверг
Всё сказанное пред Тобою,
И опадают с высоты,
Подняться более не смея,
Не сновиденья и мечты,
А жизнь и всё, что было с нею, —

Господь, в прозрачный этот час,
Вселенской осенью пронзённый,
Убереги живыми в нас
Твоей весны грядущей зёрна!

Вечер смётан в огромный стог —
Колется и шуршит.
Шёлковый августовский платок
Серебряной ниткой шит.

Кажется, только что здесь была,
Острый луч за собой тянула
Тоненькая игла
Вечернего гула...

Края пространства соединя
По невидимому лекалу,
Холодную искоркою огня
В траву упала —

И чья-то уверенная рука
Явственно, ласково, но бесплотно,
Спугнув мотылька,
Встряхивает полотна...

Заря ходила, бисер собирала,
Узорчатую ленточку плела.
От старого белёного вокзала
Неслышно электричка отошла.

Её пустые окна были тёмны,
В них всё быстрее плыли
облака...

А за стеклом последнего вагона
Взмахнула, тая, женская рука —

Прощаясь, неизбывное прощая,
Коротким взмахом отпуская
ввысь, —

И впереди из кущи иван-чая
Дневные птицы ей отозвались.

Что это было? Много или мало
Она покорно небу отдала?..

Заря ходила, бисер собирала,
Узорчатую ленточку плела.

Две машины с глухой
тонировкой.
Что внутри, что снаружи —
черно.

Проходящие как-то неловко,
Ненароком глядятся в окно.

Выпрямляют усталую спину,
Поправляют прозрачную
прядь...

Эти две непонятных машины
Остаются у дома стоять.

Почему-то никто не увидел,
И от этого чуют беду, —
Выходил пассажир ли, водитель,
Хлопнул дверцей, курнул
на ходу...

Ничего, кроме чёрного блеска.
Одиноко звенит тишина,
Белым флагом летит занавеска
Из раскрытого настежь окна.

На секунду отвлечься и снова
Обернуться — а там никого...
Словно вестники мира иного,
Угольки от пожара его.

Мороз дымился, ночь гудела,
Гул, растекаясь, угасал...
Луна рассеянно глядела
На Уреньгинский перевал.

По правую почти отвесно
Вставали за скалой скала,
А слева открывалась бездна
И в беспробудный сон звала.

Клубилось трудное дыханье
Тяжёлых фур, больших машин —

Словно бы смертельная струна
Из последних сил напряжена.

И, гремя пустыми колчанами,
Чёрный миг уже стоит за нами.
Только обернёшься — за спиной
Гул идёт небесный ледяной.

Страшно по степи ходить
дозором,
Счёт забыв своим печальным
зорям,
Чувствуя, как дышит пустота
Прямо от дорожного креста.

Тетива звенит невыносимо,
Чёрный перемешивая с синим,
Словно на разрыв и на излом
Пробуя небесный окоём.

Сколь прочна таинственная жила
И крепка излука, где из ила,
Выйдя на дозорную версту,
Стрелюлисты целят в высоту?

Ты бросил камень в зеркало.
Но вдруг
Не сотни игл вонзились в кожу
рук —
Мучительное голубое пламя
По гулкому стеклу пошло
волнами,
Стирая ненавистные черты,
И, словно бы из опалённой раны,
Тебе навстречу вышагнул
из рамы
Не ты.

Не ты — но кто? Его лицо
и руки
Ещё дрожали в раскалённом
круге,

Он улыбался ласково, но так,
Что сердце у тебя теряло такт,
Металось, билось, взламывая
клетку,
Готово упорхнуть... И, онемев,
Ты проклял свой неудержимый
гнев
И камень, что ударил слишком
метко.

Но сквозь тебя глядел незванный
гость —
Ничто во взгляде не отозвалось
На ужас твой. Двойник прошёл
сквозь двери
И вышел в ночь. И не тебе
в ответ
Погас огонь, померк привычный
свет,
Осыпалась стеклянная преграда,
Единственная из земных
преград,
Делившая твой мир на рай и ад
И выпустившая создание ада.

Ты наклонился, камень
подобрал —
Он был в руке твоей горяч и ал,
И каменная кровь его стекала
В осколки — сотни крохотных
зеркал,
И все они во тьме светились ало.

Обмолвиться — что обжечься
И, выронив спичку — ах! —
Неведомый вкус блаженства
Почувствовать на губах...

О, пламя нежнее шёлка —
Из алого в голубой...
Но острая боль ожога
Теперь навсегда с тобой:

Стоишь покорно, слёз
не утирая...

Когда-то здесь была тропа
до рая —

В годину новой язвы моровой
Всё заросло травую-муравой.

Не бойся ничего. Всё будет
просто:

Пылай, свеча нетающего воска,
Твоя живая юная душа
Запомнила, какой дорогой шла,

И ныне в этом поле без пути
Господь и повелел тебе: свети!

Мы все увидимся, увидимся
У родника в горячий полдень!

Мы удивимся, мы обнимемся,
Мы горький век с улыбкой

вспомним:

Его темницы, узы, тернии,
Его утраты и заботы,
Смиренье жизни и терпение
В пустые мертвенные годы —

И, воду ласковую черпая
В ладони, сложенные сердцем,
До золотистого вечера
Впервые сможем засидеться.

И слов серебряная складчина
Заблещет в токе родниковом,
И жизнь, пройдя всё
предназначенное,
Своим поклонится оковам.

